

**Прозаические переводы Анненского
из книги стихов Ады Негри «Судьба»
(«Fatalita») (Милан, 1893)**

Публикация Ю. Б. Орлицкого

Переводы находятся в составе архива Анненского в РГАЛИ (Москва) в папке с черновыми автографами (ф. 6, оп. 1, ед. хр. 57) с надписью: «"Autopsia" и другие стихотворения в прозе».

Тексты переводов сверены по архивному источнику. В рукописи много зачеркнутых вариантов (слов, словосочетаний, целых фраз) и отсутствуют некоторые знаки препинания, которые в публикации даются в соответствии с нормами современной пунктуации.

Рукопись не датирована.

Все переводы – из первой книги стихов Ады Негри «Fatalita» («Судьба») (Милан, 1893).

Большинство переводов было ранее опубликовано в изданиях: *Анненский И. Ф.* Книги отражений. М., 1979. С. 433–437, (8 произведений) (далее – КО); *Анненский И. Ф.* Избранные произведения. М., 1988, (6 произведений) (далее – ИП); *Анненский И. Ф.* Стихотворения и трагедии. Л., 1990, (7 произведений) (далее – СТ); *Косихина С.* Неизданные переводы И. Ф. Анненского: цикл стихов в прозе «Autopsia» // Вестник православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 3. Филология. 2008. Вып. 3. С. 40–71 (с неправомерной разбивкой на строки и с рядом серьезных опечаток), (15 произведений) (далее – Косихина), а также на сайте «Мир Иннокентия Анненского» ([Электронный ресурс]. URL: <http://annensky.lib.ru/>) с воспроизведением дефектов предыдущей публикации.

Впервые некоторые стихотворения (целиком или в отрывках) были опубликованы во вступительной статье А. В. Федорова к первому изданию произведений Анненского в Большой серии «Библиотеки поэта» (*Федоров А. В.* Поэтическое творчество Иннокентия Анненского // *Анненский Иннокентий.* Стихотворения и трагедии. Л., 1959. С. 5–60) (далее – Федоров).

Оригиналы стихов сверены по изданию: *Negri Ada.* Fatalita. Milano, 1893; номера страниц даются по этому изданию.

1. AUTOPSIA

Тощий лекарь, холодным и острым лезвием ты кромсаешь и пи-
лишь мое нагое тело; жестокое и упорное желание в твоём присталь-
ном взоре.

Злой человек знаешь ли ты, кто я была?

Теперь я презираю бесчеловечный укус твоего ножа, и здесь,
в отвратительном погребальном покое, говорю я тебе о моем про-
шлом.

Я выросла на дороге на камнях. У меня никогда не было ни дома,
ни родителей; босая, без платья и без имени, я скиталась, как тучи
и ветер.

Я знала и бессонные ночи, и беспокойные мысли, что будет на-
завтра, я знала бесполезные мольбы и скрытое отчаяние, и дни без
хлеба.

Я познала тяжкий труд и темную нищету я проходила через гряз-
ную и враждебную толпу
среди слез и страха.

И наконец, однажды на белоснежной больничной койке черная
птица с кривыми когтями
прикрыла меня крылом.

И я умерла, умерла одинокая, понимаешь, как заблудившаяся со-
бака, умерла, не услышав ни слова надежды или привета.

Посмотри, как блестит, как отливает моя черная и волнистая
коса.

Она не уйдет в мерзлую землю без поцелуя любви.

Как гибко и бело мое чистое тело, как оно воздушно Страсть
срывает теперь его девственный цвет; эта страсть – жгучее лобзанье
твоего ножа.

Долой покровы, режь, пили, полосуй, терзай без устали и не раз-
жимая губ, усладись моими внутренностями, насыться моим про-
дажным телом. Производи свои исследования с зловещей улыбкой.

Да и что тебе до меня. Я падаль.

Ищи же, доктор, не найдешь в моем животе страшной тайны го-
лода. Пусть нож твой проникнет в глубину моего тела и захватит там
сердце, ищи в моем сердце, ищи там разгадку высокой тайны скорби.

Вся нагая, под твоим взглядом я еще страдаю. Ты знаешь это?

Я еще смотрю на тебя стеклянными зрачками, и ты меня не забудешь.

Потому что на моих губах, точно последняя попытка страсти, клокочет хрипкое проклятье.

Перевод стихотворения «Autopsia», 25–28.

Публикация: Косихина, 57–59.

2. ПОД СНЕГОМ

На поля и дороги, легко и неслышно кружась, падают снежные хлопья. Резвятся белые плясуны в небесном просторе и, усталые, неподвижные, целыми тысячами отдыхают на земле, а там заснут на крышах, на дорогах, на столбах и деревьях.

Кругом – тишина в глубоком забытии, и ко всему равнодушный мир безмолвен. Но в этом безбрежном покое сердце обернулось к прошлому и думает об усыпленной любви.

Перевод стихотворения «Nevicata», 31–32.

Публикация: КО, 433.

3. ТУЧИ

Я стражду. Там, далеко, сонные тучи ползут с безмолвной равнины. На черных крыльях гордо прорезая туман, каркая, пролетают вороны.

Печальные остовы деревьев с мольбой подставляли свои нагие ветви под жесткие укусы ветра. Как мне холодно. Я одна. Под нависшим серым небом носятся стоны угасшего и говорят мне: «Приди. Долина одета туманом, приди, скорбная, приди, разлюбленная».

Перевод стихотворения «Nebbia», 33–34.

Публикация: КО, 433–434.

4. НОЧИ

Волшебный сад прокурен благовоньем розы, тень ласково покоится над ним.

Нет, право, есть и мысль, и трепет жизни в покое царственном.

Как будто содроганье по воздуху вдруг пробежит.

Печальный мрак, ты не о смерти ли гардениям заснувшим шепчешь?

Должно быть, потому, что сладкая роса дождей сквозь лепестки сомкнутые струится.

О, это слезы ночи над тайной нищетой, над призрачным похмельем страсти, над сном немым и муками немymi над мимолетной радостью, которую прервал рассудок плачем мой.

Перевод стихотворения «Notte», 35–36.

Публикация: Косихина, 59.

5. ПОКА Я ЖИВУ И ПОСЛЕ ТАМ!

Она сказала мне: «Ты не знаешь смеха. Проклятье неразлучно с твоим злым стихом. Ты не знакома с песнью, где резвится радость и в солнечных лучах бродит музыка лобзаний, с той гармоничной песнью, которая, как античная богиня, нагая вырвалась из языческих покровов, вырвалась и летит ввысь, разбрасывая розовые и белые тучи». Потом она спросила: «Где ты родилась, поэтесса рокового несчастья? Какая ненавистная сила заговорила тебя еще в колыбели?»

И я ответила: «Я родилась в лачуге и выросла в грязи. С тех пор в тумане солнечного блеска, среди жгучих гимнов вселенной, меня обступает издалека и вблизи эхо жалобных стонов».

На сердце у меня бешеным пурпуровым дождем льется кровь тех избранников, которые положили свою жизнь за свободу, где она требовала живого оплота. Стоны несутся ко мне из рабочих домов, где топчется возбужденная и тревожная толпа, где серая масса после страшного труда жадно бросается на хмель, из мрачных фабрик, где движутся стальные чудища и ядовитая медь, пробиваясь через поры, сосет из ткачих алую кровь. Они несутся из отравленных рисовых полей и из замурованных домов. Во имя бога гибнет столько жалких созданий. Плач идет ко мне со всех сторон и не хочет умолкнуть, скорбный и бесконечный, точно летучая мышь, бьющаяся в тумане, точно туча, темнящая солнце.

Мимо пролетает и радость, и красота, и свет пробудившегося утра, и смелая страсть любви, и безумства лобзаний. Одна скорбь остается.

Но это скорбь, которая не уступит и не преклонится, скорбь, которая стремится к божеству. Это та доблесть, которая поддерживала Прометея, пригвожденного к дикому утесу.

Звучно носится моя мрачная песня над внимающей ей бледной толпой, как над вечными льдами парит огромный раненый орел.

Перевод стихотворения «Fin ch'io viva e più in la», 39–42.

Публикация: ИП, 242. Итальянский оригинал назван в публикации по фрагменту первой строки – «Ella ta disse»; соответственно, и перевод назван по первой строке – «Она сказала мне...».

6. НАД БРЕШЬЮ

Они идут густой толпой мрачные строгие с непокрытыми головами.

Ящик с покойником покрыт черной волнующейся тканью.

Задумчивая скорбь врезалась у них на челе среди морщин, и напрасно улыбается им сверху небо; прорвется тихий плач, и никто его не поддержит.

Усопший покоится среди сбитых досок сжатый и раздавленный. Он работал на крыше и свалившись разбил себе голову о камни мостовой, полный надежд и бодрой жизни, прекрасный, как титан, он упал. И вот холодная и морщинистая рука сжала сердце пришибленной вдовы и уносит его в суровую обитель сна и забвения. Грозный перст Бога указывает путь несущим, и они идут густой толпой, мрачные и строгие. Идут и думают...

О судьба... Может быть, и мы умрем также.

Ведь ремесленник тот же солдат, они это знают. Грудь вздымается от думы и бледнеет лицо. Они Геркулесы и бодры, их мечты так скромны – семья да веселый домик. И может быть, завтра они на работе так же свалятся с крыши или их раздавит стена, завалит арка. Никто не слышит крика умирающего и не поймет высочайшей жертвы.

На место умерших становятся живые.

Надежда замещает печаль; бесконечными рядами тянется войско и с ясным лицом попирает павших.

И как в праздник веселые дети бегут по немым могилам, слепо и с ревом движутся массы по остаткам павших жертв.

Перевод стихотворения «Sulla breccia», 45–47.

Впервые (не полностью): Фёдоров, 25–26.

Публикация: Косихина, 59–61.

7. ЗДРАВСТВУЙ, НИЩЕТА

Кто это стучится в мою дверь?

Здравствуй нищета, ты не страшна мне.

Войди и повеяй холодом смерти.

Я приму тебя, суровая и спокойная.

Беззубое привидение с руками скелета, посмотри – я смеюсь тебе в лицо.

Тебе и этого мало! Что ж, подойди, подойди, проклятое видение, отними от меня надежду, когтистой лапой захвати мое сердце и прости крыло над скорбным ложем моей матери, которая умирает.

Ты беснуешься. Напрасно.

Молодость моя, жизнь моя, ты не увидишь, ты не увидишь моей гибели в роковой борьбе. Над грудой обломков, над всеми муками жизни горят и блещут мои двадцать лет.

Тебе не отнять у меня божественной силы, что сжигает мне сердце, тебе не остановить бешеного полета, который влечет меня. Твое жало бессильно.

Я иду своей дорогой, о черная богиня.

Посмотри там, в мире, сколько там солнца, сколько роз, слышишь ли в радостном небе веселые трели ласточки, что за блеск верований и идеалов, что за трепет крыльев.

Старая бескровная мегера, что ты там прячешься в своем черном чепце? В моих жилах течет кровь, горячая и гордая мужицкая кровь. Попираю страх, и слезы, и гнев и стремлюсь в грядущее.

Я ищу вдохновенного труда, который все подчиняет своей благородной власти, я ищу вечно юного искусства, лазурного смеха, воздуха, напоенного цветами, я хочу звезд, поцелуев и блеска. Ты же проходи мимо, черная колдунья, проходи, как роковая тень отходит от солнца.

Все воскресает, все надеется, в чаще улыбаются фиалки, и я смело выскользну из твоих сетей и пою гимн жизни.

Перевод стихотворения «Buondi, Miseria», 49–51.

Впервые (две фразы): Фёдоров, 28.

Публикация: КО, 434.

8. СТАРИК

...в церкви

Молись – ты один. Какая мысль тихой стопой привела тебя сюда, бледный старик?

Может быть, в темном храме с тобой говорит сам Бог, сделавший тебя великим несчастным, грозный пугающий тебя Бог?

В твоём уме проходят воспоминания минувшего, проходят холодной вереницей мрак и копоть древнего храма и твоя суровая жизненная голгофа.

Жизнь раба и нищего...

Молись. С годами отцвели и осыпались обеты, надежды, очарования твоей далекой и одинокой юности.

И ты верил когда-то, и у тебя когда-то пело на сердце, и тебе на скитальческом пути бодрящей струей ворвался в душу свежий нежный благородный гимн первой любви.

Она полюбила тебя за враждебную и горькую судьбу, которая согнула под ярмо твою гордую голову, за твою печальную осмеянную юность, за твои рваные лохмотья, полюбила и пошла за тобой по жизненной дороге.

Это была маленькая блондинка, и точно луч сияло на лице ее высокое и благородное сердце. Она разделила с тобой бремя труда, мученья и стыд бедности, и презренную людскую милостыню.

И потом... уснула. Потухшие глазки закрылись под твоим поцелуем, она сделалась такой крошечной. Куда она скрылась? В какую бездонную пучину или в высокую тучку на небе спряталась твоя нищая подруга, твоя влюбленная блондинка?

Молись ты один. Медленным шагом привела тебя сюда грустная душа.

Ты дрожащий старик.

Может быть, с тобой в темной церкви говорит твой грозный владыка, который все же дал тебе ее улыбку среди твоих злключений.

Миновали и затишье, и бури.

Твой день теперь навсегда склонился к вечеру. Здесь у тебя ничего не осталось

Тебя нищего, презренного раба без усталости хлещет кнутом злая судьба... Но ты был любим.

Перевод стихотворения «Vegliardo», 53–55.

Публикация: Косихина, 61–62.

9. ПЕСНЯ ЗАСТУПА

Я грубая шпага и рассекаю грудь земли. Я сила и невежество, во мне скрежет голода и блеск солнца. Я нищета и надежда. Мне знаком и раскаленный бич жгучего полдня, и грохот урагана в долине, и тучи, мечущие молнии. Я знаю дикие и вольные ароматы, которые, торжествуя, разливают по земле май с его душистыми цветами, бабочками и поцелуями. От труда ежечасного, ежеминутного я становлюсь острее и блестящее, и я иду решительная, страшно сильная и постоянная, иду, прорезывая твердую землю.

Я вхожу в низкие покосившиеся лачужки, в грубо сколоченную сыроварню, куда пробирается сквозь дверные щели резкий зимний ветер, туда, где у стонущего пламени очага приютилась малодушная лень и где дрожит голодная старуха с худым и желтым лицом. Я вхожу туда и все это вижу. И вот, брошенная в угол в глубокую и страшную ночь, которая налегла на сырую равнину и на дымную комнату, пока ржавая лихорадка треплет разбитые женские тела и слышно только, как храпят мужики, я не сплю, и дуновение желания воспламеняет меня. Я грежу о новой заре, когда, как сельское победное знамя на солнце, что золотит воздух, в ясном блеске колеблясь над вдохновенной толпой, я восстану над плодородной землей, сияя жизнью и мощью.

На железе не будет крови, знамена будут белы. Под молодецкими ударами, раздавленная, умрет змея ненависти, и из земли, насыщенной любовью, благоухающей розами, очищенной юным пылом, до самой небесной лазури будет доноситься шум грубых человеческих голосов, не то гимн, не то вопль.

Мира... труда... хлеба.

Перевод стихотворения «Il canto della zappa», 57–59.

Впервые (отрывок): Фёдоров, 27.

Публикация: КО, 434.

10. ПОБЕЖДЁННЫЕ

Сколько их – сотня, тысяча, миллионы.

Их без числа и счета.

Сдержанный гул несется издалека из их тесных рядов.

Они идут среди сурового ветра ровным и медленным шагом, с голой головой, в грубых одеждах, с воспаленными взглядами. Они ищут меня.

Они меня настигли, и вот толпа серых фигур, масса изможденных лиц колеблющейся волной окружила меня, сдавила, скрыла, замкнула. Я слышу хриплое дыхание, долгий плач звучит в тумане, проклятия, вздохи.

Мы собрались из домов без огня, с беспокойных постелей, где усиленное тело сначала должно скорчиться, потом подается и, наконец, сляжет. Мы пришли из рвов и из тайников и бросаем на землю чудовищную тень скорби и опасностей.

Мы искали ее, идеальной веры. И она предала нас. Мы искали любви, которая надеется и верит, и она предала нас. Мы искали труда, который бодрит, возрождает, и он отверг нас.

Где же надежда? Где сила?

О, пощади, пощади нас. Мы побеждены. Над нами и вокруг нас в сильном золотом свете солнечных лучей ярко разносится веселый и громкий гимн лобзаний и труда.

Железной змеей с шумом влетает поезд под горные своды. Промышленность военной трубой зовет умы и руки на жатву.

Тысячи уст горят влюбленным желаньем.

Тысячи жизней отважно бросаются в это пылающее жерло.

А нас не нужно. Кто бросил нас на эту землю, злую мачеху?

Кто не дает нам свободно дышать? Кто гнетет и давит нас? Чья ненависть тяготеет над нами? И чья неизвестная рука нас оттолкнула? Почему слепая судьба кричит нам: напрасно.

О, милосердие, милосердие к побежденным.

Перевод стихотворения «I vinti», 61–63.

Впервые (не полностью): Фёдоров, 26.

Публикация: КО, 435.

11. РУКА В МАШИНЕ

В ремнях вертятся колеса, свистят машины, неутомимые в труде рабочие режут веселые песни. Но вдруг раздается сумасшедший крик...

Перевод первых четырех строк стихотворения «Mano nell'ingranaggio», 65.

Публикация: Фёдоров, 26.

12. ЯЗЫЧЕСКОЕ ЛОБЗАНИЕ

Между золотых колосьев прямо под горячим солнцем, которое загло всю долину пожаром, в дымящейся борозде он ее поцеловал.

Улыбается безоблачное небо, смеется колос очарованной чете.

Целый мир жизни ликует вокруг этого чистого и здорового поцелуя.

Благоухают раскрытые пурпуровые цветы, точно губы, дышащие любовью.

В разлитом воздухе носится веселая песня цветущей земли.

Среди земли улыбаясь обнялись юноша с девушкой, а трель жаворонков теряется под сводом лазурных небес.

И повсюду в тенистой чаще, в чашечках цветов, среди золотистой жары и в скрытых гнездах дрожит поцелуй, пьяня и оплодотворяя.

Перевод стихотворения «Vacio ragano», 79–80.

Публикация: Косихина, 62–63.

13. АРАБСКИЙ КОНЬ

Не желтые ли пустыни тебе грезятся?

Не горячие ли равнины, все золотые от солнца?

Безбрежные миражи раскаленных песков?

Бег и ржание смелых коней на твоей родине?

Когда ты взмахиваешь косматой гривой и, кусая удила, и боевым копытом бьешь в землю, когда ты ржешь с диким завываньем, в груди у меня внезапно зажигается жажда видеть новые страны.

Знаешь ли? Меня влекут те ясные равнины, те блестящие пески, что золотятся на солнце.

Дай мне оседлать твою быструю спину, черный скакун мой, живее в путь и пожирай землю.

Беги от туманов, застывших над равниной, топчи эту грубую толпу, рви на скаку колючий кустарник. Вскачь промчись через долины и леса.

Ты свободен, ты царь.

Скачи через пропасти и стремнины, через надувшиеся потоки, через сплетшиеся лианы, попирай цветы.

Вперед, все вперед, и если дорога наша слишком длинна, пусть вместе с тобой упаду я в прах, о мой борзый конь.

О, розовое пламя тихих вечеров, и вы, призраки гибких пальм, отражающие в море суровые и обрывистые силуэты, и вы, хриплые трели арабской песни, уходящие в голубое небо.

Раскаленный песок мечет искры.

В галоп, Ахмед! Нет преград твоему вольному бегу.

Вихрем улетай в неведомую даль.

Все нипочем, если в лицо повеяло свободой.

Перевод стихотворения «Cavallo arabo», 83–85.

Публикация: СТ, 285–286.

14. НАЕДИНЕ С ТОБОЙ*

О, здесь... наедине с тобой, наедине с тобой, дай мне излить на сердце у тебя слезы, что у меня в груди скопились целыми годами, все горе, все скрытые желанья.

Мне надо слез.

Дай мне склониться здесь на твою трепещущую грудь утомленной головою, как птичка робко прячется под крыло, как поникает головой сорванная роза.

Мне надо мира.

Дай мне к твоему молодому лбу, о дай мне прижаться горячими и дрожащими губами и шепнуть тебе то слово, которое опьяняет голову мгновенным безумием.

Мне надо любви.

** В автографе заглавие перевода подчеркнуто Анненским.*

Перевод стихотворения «Te solo», 89–90.

Публикация: Косихина, 63.

15. SINITE PARVULOS

Если вы встретите где-нибудь на перекрестке пустынной улицы или среди веселой

и легкомысленной толпы покинутого ребенка с бледным личиком и блуждающим взглядом, ребенка, который потерял поцелуй

и заботу матери и оплакивает на ее могиле самое дорогое, самое святое воспоминание, о приведите его ко мне, и он будет моим сыном.

Я на всю жизнь оставлю его у себя.

Вечером я сложу ему руки крестом и с ним и для него тихо стану повторять молитву лучших лет моей жизни.

Я с кроткой настойчивостью буду твердить ему слова, возвышающие и укрепляющие душу. Я сохраню для него ревнивую и зоркую нежность его умершей матери.

Я скажу ему что жизнь есть труд и что мир надо искать в всепрощении.

Я соберу в его кроткой детской душе сокровище из всего, что справедливо, возвышенно и благо.

Я перелю в его ум всю силу мысли, которую дал мне Бог, и около него спокойно отцветет моя жизнь пожатая и бледная.

Когда у меня станет уже слабеть память, и я надену чепчик и очки.

Он будет уже большой, его душа будет жить в идеалах, руки искать работы, сердце – Бога.

С верой он будет обращаться к заре.

Он будет жить мыслью во вселенной.

Эта беспокойная птица, вечно стремящаяся к солнцу, молодой побег, зацветающий на солнце. И я умру спокойно, потому что недаром и терпела, и любила, и с груди сына и солдата вырвется вздох над моей открытой могилой.

Перевод стихотворения «Sinite parvulos», 93–94.

Публикация: Косихина, 64.

16. КОЛЫБЕЛЬНЫЕ ПЕСНИ

Когда счастливой малюткой в долгие вечера я в дремоте склонялась на подушку, моя мать, согнувшись над пряжей, не спала.

Она пела – это была сладкая, точно волшебная песня, и до сих пор в моей тревожной душе живут ее потускневшие нежные звуки.

В тишине таяли тихие ноты, точно дрожа от глубокой неги, таяли в дремлющем мрачном просторе легкие, как ласка.

И я... грезила. Перед моей колыбелью веяли крылья кроткого ангельского хора. Они говорили моей детской душе о любви, и золотое сияние венчало их прекрасные лица.

Ты не поешь больше. Холодной зимой суровая нищета неумолимо терзает твою согбенную старость и мою бессильную разбитую молодость.

Ты не поешь больше, мама. Одна за другой улетели твои радости. Но и в горе спокойная, ты не клянешь судьбы в ее жестоких насмешках.

Но я в изгибах сердца храню глубокое презрение, бросаю гордый вызов уколам капризной судьбы, черному стыду, нищете, всему миру.

И вот когда ты молча посмотришь на мое бледное и суровое лицо, мама, и будто углубившись в горькие воспоминания, робко вздохнешь, меня вдруг всю охватит сладкая память прошлого, гармония робких детских тайн, и захочется твоей страстной материнской ласки.

В полутьме вечера под твоим милым взором, возле тебя, мама, мне захочется забыть, что я поэтесса, и обратиться в маленького ребенка.

Захочется послушать колыбельные песенки, что когда-то, склонившись над мирной зыбкой среди дремлющего простора ночи ты спокойно вверяла темному воздуху.

Меня всю охватит желание, целуя твой белый лоб, твое лицо, побледневшее от грусти, заснуть на твоих руках, как я засыпала когда-то усталым ребенком.

Перевод стихотворения «Nenia materna», 95–97.

Публикация: Косихина, 65–66.

17. СРЕДИ УРАГАНА

Когда растрепанная буря гневно ревет вся желтая от зависти, когда Эол, точно фурия, разорвавшая цепи, со свистом носится в огне ослепительных молний, я хотела бы затеряться в вихре урагана, среди золотых стрел, и потом там, прижавшись к твоему сердцу, среди горячечного бреда неба и земли, в этом безбрежном просторе, я бы поведала тебе о той старинной, той упорной вражде, которую ты не подозреваешь во мне и которой не знает даже Бог.

Вой вихрей, туман, пропасти, буря под ногами, разрушение, ужас и моя голова на твоём сердце.

Перевод стихотворения «Nell'uragano», 101–102.

Публикация: Косихина, 66.

18. СВЕТ

В дремлющем воздухе рассыпались целые снопы лучей. Цвета и сверкая, ярче блещет мягкая свежесть молодой зелени, и розовые жемчужины покатались по земле и по небу.

О свет, все побеждающий, жгучий, сбросивший покрывало свет.

Это радужные перлы скачут в чистой влаге. Это брак белых мотыльков с розами. Это языческая жизнь изливается сладкой струей из цветочных лобзаний.

Мир ждет, призывая любовь. Я чувствую, как у меня в сердце бьется волна надежды.

Я чувствую страстную радость, что живу. И, точно стая ласточек, взвились в вольный простор неба мои веселые грезы, все в ярких лучах света.

Гений и солнце, с вами я чувствую себя Крезом.

Перевод стихотворения «Luce», 105–106.

Публикация: КО, 436.

19. УНЕСИ МЕНЯ ОТСЮДА

О унеси меня туда высоко в нагорные выси, где сверкают вечные льды и где орел, распутив звучные крылья, рассекает голубое небо.

Возьми меня туда, где под ногами нет грязи, где бы не долетали до меня ненавистные

человеческие голоса, где бы я меньше чувствовала придавленность, тяжесть моего сурового креста.

О унеси меня туда, в высь, чтобы я могла любить тебя среди резкого горного ветра, среди елей, и опьянять тебя улыбками зари и ласк.

Здесь мне сердце обложило серым туманом.

Среди ржавых сараев задыхается моя поэзия.

Я хочу любить тебя там высоко среди вечного безмолвия горных высей, о унеси меня, унеси меня отсюда.

Перевод стихотворения «Portami via!», 107–108.

Публикация: Косихина, 67.

20. «ВНОВЬ ВИЖУ ВАС Я...»

Снова вижу вас, бедные уголки! Вы мои милые родные комнаты.
О сколько надежд теснилось тогда в моей груди.
Какие золотые сны я видела отсюда.
Снова вижу вас, бедные уголки.
Вот бедная постель, где я спала ребенком, и скромные цветы
на шкафах.

*Перевод первых четырёх строк стихотворения «Pur vi rivedo
ancor...!», 109–110.*

Публикуется впервые.

21. ***

Я увидела тебя в первый раз, и трепет пламенем охватил мою
одинокую мою гордую душу. И я сама не знала отчего. Теперь я знаю
и ненавижу тебя, и боже мой как я тебя ревную.

Торжествуй, сирена. Бог дал тебе на долю блестящий клад мягких
и тонких очарований.

О ты прекрасна, ты неотразима, как желание, белая малютка с золотыми
косами.

И зачем ты стала на моем пути.

Перед чарами твоей цветущей и смелой юности поднялась и улета
тела куда-то моя надежда. И мой блестящий сон летит на землю разбитый,
с поломанными крыльями.

О если бы ты знала, с какой болью, как глубоко вонзается терние
в душу, когда уходит из нее любовь, каким пустым и разоренным кажется
мир, когда сердце в пренебрежении, когда у него отнята цель.

О если бы я могла забыть эти крылатые и розовые видения
страстного и безумного сна моей юности. О не буди меня среди обломков
похороненной любви.

Торжествуй, русалка. Смех светлой радости, он твой пир сладких
упоений, он твой.

Мне на долю сыпало одно горькое сиротство, но может быть когда-нибудь
и тебя поразит гнев судьбы.

И вот когда ты одна среди немых и разбросанных обломков будешь
искать неги и страсти твоей погибшей любви, когда ты вся

скованная льдами напрасно будешь призывать пылкие наслаждения твоих счастливых дней, я встану перед тобой, вся пыль и стремление, встану, как карающий призрак, и буду смеяться над твоей мукой, над твоей разбитой радостью, ты, белая малютка с золотыми косами.

Буду смеяться, потому что, гордясь своей нежной прелестью, ты дерзкой ногой попирала мои розовые грезы.

О я ненавижу тебя, русалка, и как я ревную, Боже мой, как я ревную к тебе.

Перевод стихотворения «Son gelosa di te!..», 19–21.

Публикация: Косихина, 67–69.

22. КОРОТКАЯ ИСТОРИЯ

Она казалась сном поэта.

Всегда одетая в белое, она сохраняла на лице спокойствие восточного сфинкса. Шелк волос низко спускался с ее плеча, и в ее коротком смехе слышались певучие трели; у нее было прекрасное и бесстрастное тело статуи.

Она полюбила и без ответа. За ясным взором она затаила в сердце ядовитое пламя любви, которая молчит. Но страсть сожгла ее, и однажды в октябрьские сумерки она умерла, как гардения от недостатка солнца.

Перевод стихотворения «Storia breve», 22.

Публикация: Косихина, 69.

23. МАШИНА СВИСТИТ

Свисток машины. С ревом поднимаются торжественные и гулкие звуки, точно коршун, который, рассекая воздух, несется к золотым тучам.

Свисток машины – это дикие вопли человека, погибшего среди ее зубьев, молодой жизни, раздавленной ее жерновами.

Страшный повелитель всех этих ремней, стали, винтов, огня и пружин, это жарко пышущее чудовище на своем сторожевом посту опьяняется диким шумом.

Паровик беснуется, грохочет, разбрасывает искры, замедляет ход, скрипя сдерживается и останавливается, потом дергается вперед и, отвязавшись, пускает в небо пророческий возглас.

Вперед, вы, которые ищите счастья в труде! Вперед на честный бой, на благородное состязание пилы, заступа, кирки, топора!

Вы, с кипящей кровью во вздувшихся жилах, вы, с лобзанием солнца на лице, впивающие амброзию свежего утра, вскормленные плодородной землей... Дерзайте, вы, новые и славные борцы.

Вас ожидает свободный век.

Паровик свищет, по небу среди ветров разносится пророческое ура.

Перевод стихотворения «La macchina rotaba», 67–68.

Впервые (не полностью): Фёдоров, 27.

Публикация: ИП, 244.

24. ДОЧЬ НАРОДА

Шпильки вертятся, нитка сучится, я пою, мне 18 лет, у меня есть красивые глаза, ткацкий станок и любовь. Я ношу холщевое платье и не знаю, что такое слезы.

Когда я развяжу и распушу мою русую косу, где играет солнечный луч, у того, кто на меня смотрит, загорается искра в глазах, и в груди он чувствует электрический удар.

Но я спокойно прохожу мимо и смеюсь в лицо речистому любезнику. Для своего друга я храню все поцелуи и продала бы весь мир за его улыбку.

О, я люблю его – он владыка над кузней, царь молота. Он такой высокий, могучий, плечистый, такой прекрасный. Рядом с ним я кажусь малюткой.

Когда он перед очагом бьет раскаленное железо и горячий уголь бросает тень на его лицо, когда жилы натянуты на его открытой шее, о, как я горжусь им тогда, как рада для него забыть все на свете.

Он мой демон и мой бог, и мне одной он скажет: люблю.

И когда я жду его в своей каморке и условный час уже пробил, судорога перехватывает мне горло и точно кто колет в сердце. Но на лестнице раздаются шаги.

Пусть рука у меня дрожит и губы белые, на ногах будто выросли крылья.

Черный от пыли и сияющий любовью, разбитый и улыбающийся, вот привлекает он меня в свои гордые объятия, и я слышу, как его сердце стучит на моем.

Перевод стихотворения «Popolana», 71–73.

Публикация: КО, 436.

25. FIOR DI PLEBE

Ты видел ее? Ее темная кожа отликает медью. Это богиня которая спит на голом полу, шаловливая и бронзовая богиня. Она редко улыбается, и зубы у нее такие белые, и губы такие красные, что тянут к поцелую. Прямо в сердце идут глубокие чары ее лучистых глаз. Ты чувствуешь во всем теле какую-то неодолимую тревогу (?). Эта женщина умеет нравиться и одного меня любит на земле.

Каждый вечер одна она поджидает меня у какого-нибудь закоулка и, как увидит, глаза

загорятся и голос станет таким мелодичным.

Она шепчет мне на ухо такую массу безумных и глупых вещей, и я слышу учащенное биение сердца, чувствую дыхание уст, горящих желанием. И я знаю, что хотя все богатство у меня в рабочих руках, но она будет счастлива возле меня, и что никто не вырвет ее из моих объятий.

Знаешь, ей как-то наговорили, что я ее обманываю, и назвали имя соперницы. И вот она молча уходит, идет, задыхаясь, вся растрепанная, увидела, с угрозой бросается на разлучницу и вцепляется в нее зубами, бешенство вспрынуло в ней.

Точно необъезженная кобылица, которой удалось скинуть узду.

Вечером я иду с работы... Смотрю, она вся дрожит, голос такой обезоруживающий, большие глаза смочены слезами и молят, а сама вся такая смущенная, трепещущая, побледневшая и прекрасная от любви, приниженная, как рабыня, которая влюблена, и очаровательная, как распутившийся цветок.

Она шепчет мне: Прости и ласково жметесь ко мне. О не разлюбляй меня, не уходи далеко.

Я наказала себя за то, что так сильно тебя люблю.

Перевод стихотворения «Fior di plebe», 75–77.

Публикация: Косихина, 69–70.

26. НЕ ТРЕВОЖЬ МЕНЯ

Если иногда, поглощенная думой, я не внимаю твоим любовным речам, если мои глаза горят, а по лицу и губам разливается непривычная бледность, если я все забываю и, склонив темно-русую голову,

вся отдаюсь своим мыслям, не трогай меня: передо мной в эти минуты открывается огромный божественный мир. Разорванные тучи окружили солнце, нагое и смеющееся. Небо держит в могучих объёмах землю всю в миртах и фиалках.

И отовсюду, со скошенного луга и с волнующихся безбрежных полей, с листвы дубов и кипарисов, из оазиса и из пустыни, из бесконечных лесов, где воеет, бешено ревет сердитый ветер с трепетом чувственной любви, что живит все созданное, я чувствую, как отовсюду несется вместе с беспокойным полетом рассеявшихся в воздухе птиц широкое, свежее, торжествующее дыхание, веет силой и здоровьем.

Все зацветает розами, надеждой, чистой, верующей думой, торжествующим трудом, благородным одушевлением, талантом, подвигом.

Не пьёт больше крови скорбная земля.

Война, эта свирепая и непокорная колдунья, не наводит больше ружей и не раздражаются больше пушки яростными выстрелами, а на боевом поле не слышно больше военных песен.

Весь мир одно отечество, и всех оживляет один священный энтузиазм, и песня торжественной и кроткой любви летит с одного берега на другой.

Паровик дымит, плуг разрывает плодородную грудь земли, режут и стучат машины, пылают очаги, и над этим диким львиным ревом земли в брожении свобода распустила свои белые крылья, и гул их гордо разносится по ветру.

Перевод стихотворения «Non mi turbar», 9–11.

Публикация: СТ, 284–285.

Впервые (не полностью): Фёдоров, 27–28.

27. БЕЖИТ ВОЛНА

Между высоких берегов бежит и плачет волна, непокорная и слепая. Ей внимает свинцовое небо. Нет улыбки на неподвижном своде небес. Воздух не шелохнется среди ночного мрака.

Бежит и плачет волна. Она несёт на спине и с тяжкой печалью увлекает вниз молодое тело, легкое и безжизненное тело ветреной и бледной самоубийцы.

Бежит и плачет волна. В этом жалобном плаче слышится эхо странной и смутной тайны.

В нем прорывается человеческий крик безнадежной любви, побежденной и раздавленной.

Перевод стихотворения «Va l'onda», 12.

Публикация: Косихина, 71.

28. УЛИЧНЫЙ МАЛЬЧИШКА

Вот он идет по грязной улице сам такой грязный и такой красивый, куртка вся в лохмотьях, рваные сапоги, капризное лицо. Когда я вижу его среди экипажей или на мостовой, в дырявой обуви, как он швыряет камни собакам под ноги, уже разбойник, уже развращенный и бесстыжий человек, когда я вижу, как он прыгает, смеется, этот бедный цветок, распустившийся на тернии, когда я думаю, что его мать теперь где-нибудь за типографским станком, что его очаг холоден, а отец в тюрьме, страх за него сжимает мне сердце, и я говорю себе: что будет с тобой, оборванцем и невеждой, как будешь ты жить без опоры и руководителя и чем ты станешь в двадцать лет, ты, без умолку поющий соловей лачуг, – жалким и порочным шарлатаном, или усердным работником, или карманным воров.

Какую блузу ты тогда наденешь – блузу честного рабочего или каторжника? Кем увижу я тебя – ремесленником или преступником, за работой, в тюрьме или в госпитале?

О, когда я вижу этого грязного мальчика, как мне хочется побежать за ним по улице и прижать его к сердцу и передать ему в горячем объятии всю скорбь, всю любовь, всю печаль, все муки моей души. Как мне хочется тут же осыпать его лицо и грудь поцелуями и с рыданьем братской любви, задыхаясь, прошептать ему: «Я тоже жила в горе, в трудах, и я такой же цветок терния, и у меня была мать в мастерской, и я знала печаль. О, я люблю тебя».

Перевод стихотворения «Birichino di strada», 15–16.

Публикация: ИП, 244–245.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Стихотворения Ады Негри в стихотворных переводах современников Анненского

Интересно сравнить переводные «стихотворения в прозе» Анненского с современными им традиционными стихотворными переводами произведений Ады Негри, выполненными поэтами начала XX века.

Кстати, в ИП А. В. Федоров ошибочно утверждает, что «формой “стихотворения в прозе”» «пользовались и другие переводчики Ады Негри в России» (ИП, 689–690); во всех перечисленных ниже переводах использована традиционная стихотворная форма (как и в оригинале), прозаический вариант перевода выбирает только Анненский.

Первые переводы стихов Негри (в том числе и из сборника «Fatalita»), оказавшегося в руках Анненского) появились на страницах русской периодики в последние годы XIX века.

В 1898 году 4 стихотворения поэтессы вошло в книгу А. М. Федорова «Стихотворения» (СПб., 1898). Затем вышло несколько книг: *Ватсон М.* Ада Негри. Критико-биографический очерк. СПб., 1899, (2-е изд. – 1903; включает перевод 27 стихотворений А. Негри); *Емельянов А. Н.* Борьба и любовь. Жизнь и произведения Ады Негри. М., 1900, (29 стихотворений поэтессы); *Негри А.* Стихотворения. Вып. 1. Пер. В. Шулятикова. М.: Типо-литография А. В. Васильева, 1900, (20 стихотворений); *Негри А.* Стихотворения. Пер. А. М. Федорова. СПб.: Маг. «Книжные новости», 1901; *Негри А.* Стихотворения в переводе Ф. С. Шкулева. М., 1904; *Негри А.* Стихотворения / Пер. В. Шулятикова. М.: Денница, 1918; *Негри А.* Стихотворения / Пер. В. Шулятикова. Киев, 1919 (20 стихотворений).

Андрей Колтоновский

НЕ ДОЛГО

Она казалась мечтой поэта:
Всегда в наряд белоснежный одета,
Как сфинкс, во взоре загадки полна,

С косою, спадавшей на стан ее тонкий,
С коротким смехом и песнею звонкой,
Как мрамор статуи античных стройна...

Она любила – увы, без ответа –
И жгучий пламень таила от света,
И в сердце горе безмолвно несла;

Она сгорела от злого недуга –
И, как вербена под первую вьюгой,
В осенний вечер она умерла...

(Вестник Европы. 1897. Т. 186. С. 265–266).

А. Н. Емельянов

ПОД НОЖОМ

Науке досталось прекрасное тело
И доктор с холодным лицом
Терзает и режет уверенно смело
Меня беспощадным ножом.

Часовня для мертвых тесна и угрюма:
Не стыдно лежать без одежд.
Ученый! Ты видишь, что страстная дума
Моих не покинула вежд.

Она говорит, что ребенком забытым
Средь уличной грязи, одна
Росла я, ночуя под небом открытым,
Свободна, как в море волна.

Познала я стон одиноких терзаний,
Соблазны преступных ночей;
Всю страшную горечь людских состраданий,
Ничтожность и злобу людей.

И вот, под конец, я очнулась в больнице,
мечтала, хоть в ней отдохнуть,
Но крылья израненной медленно птице
Смерть мигом успела свернуть...

И я умерла в ней ненужной бродягой,
Как старый и прогнанный пес...
Никто над несчастной и жалкой бродягой
Не пролил сочувственных слез...

Смотри, как беспомощно косы упали!
Но чистую прелесть кудрей,
Ничьи, замирая, уста не лобзали
В блаженстве безумных ночей...

Хоть тело мертво, но в изрезанной груди
Отыщет духовный твой взор
Все горе и муки, которыми люди
Мне смертный прочли приговор.

И, вынувши сердце бесстрастной рукою,
Научный ты свет наведи,
И, в тайну проникнув могучей мечтою,
Ты тайну страданья найди.

О, знаешь ли ты, что безмолвно-нагая,
Прекрасна, как гений святой,
Живу и теперь я, незримо страдая,
И твой нарушаю покой.

Ты вспомнишь не раз, что навеки застыло
В холодных, стеклянных очах,
И скажешь, что горе с проклятием жило
В лиловых и скорбных устах.

(Е-в А. Н. <Емельянов А. Н.> Борьба и любовь. Жизнь
и произведения Ады Негри. М., 1900. С. 47–48).

ЯЗЫЧЕСКИЙ ПОЦЕЛУЙ

Люблю я мускулы рабочего простого,
Могучий стан его, румянец смуглых щек,
Он мне сулит порыв блаженства неземного,
Он дикий зверь в любви... Он огненный поток...

Грудь у него скала... Волна и грязь разврата
Не тронули его... Он многими любим...

Не за костюм, за титул и за злато –
За что ж нам хочется назвать его своим?!

За то, что дикий зверь, весь страстью ослепленный
Живет и дышит в нем... В объятиях его
Забудется позор и страстию сожженный
Стыд не забудет в тот миг набата своего.

(Там же. С. 84).

Владимир Шулятиков

НОЧЬ

В саду очарованном
Разлит аромат.
Ночные лобзания
Спустились на сад.
Но странное грезится
Глухой тишине,
И ветер колеблется
В безрадостном сне.
Быть может, поведала
Печальная мгла
Дрожащим гардениям
Людские дела...
Быть может... и катится
Росистый бальзам
Дождем освежительным
По сонным листкам...
...Над горем безвыходным,
Над мертвой мечтой,
Над грезой несбыточной,
Над тайной тоской,
Над призрачной радостью,
Бегущею прочь,
В слезах разливается
Скорбящая ночь.

(Негри А. Стихотворения. Вып. 1. / Пер. с итал. [и предисл.]
Владимира Шулятикова. М.: Изд. П. С. Когана, 1900. С. 41–42).

УЛИЧНЫЙ МАЛЬЧИК

Если я вижу: по улице грязной,
Блузою рваной прикрыт,
Весь перепачкан, походкой развязной
Мальчик красавец спешит.

Если я вижу: испорченный рано,
Плут и охотник до драк,
Между пролеток, он, в обуви рваной,
С камнем гоняет собак,

Если резвится на полной свободе
Этот терновый цветок:
– Может быть, мама его на заводе,
Батяка засажен в острог –

Сердце мое замирает в тревоге:
«Много ль от жизни ты ждешь?»
В рубище ветхом, по темной дороге
Ты беззащитным бредешь!

«Что-то тебе, мой птенец говорливый,
Годы весны принесут:
Жажду ль разврата и жажду наживы
Или терпенье и труд?

Будешь ходить ты в клейменом халате?
Блузу носить батрака?
Чахнуть в тюрьме иль в больничной палате?
Дни коротать у станка?..

О, как прижала б я, крепко и страстно,
Бедного крошку к себе,
В бурном порыве печали всевластной,
В горькой душевной борьбе!

Бедному крошке отдать я готова
Все поцелуи свои –
Молвить, рыдая, великое слово,
Братское слово любви:

«Диким терновником я уродилась,
Вскормлена трудной борьбой, –
Мама моя на заводе трудилась;
Мальчик, мы – братья с тобой!»
(Там же. С. 29–30).

КОРОТКАЯ ИСТОРИЯ

Дева мечтою поэта казалась,
В белой одежде, с безмолвным челом,
Словно у сфинкса далекого Нила;
Роскошь волос по плечам рассыпалась.
Голос, смеясь, отдавал серебром.
Станом на мрамор она походила.

Дева любила... не встретя отзыва,
С виду спокойна, в душе берегла
Тихое пламя она неизменно,

Пламя всесильное: в вечер тоскливый,
В вечер октябрьский она умерла;
Так умирает без солнца вербена.
(Там же. С. 31).

ВОЛНЫ КАТЯТСЯ

В берегах реки глубокой вечно стонущим потоком
Волны катятся и плачут; небо внемлет стону их,
Небо смотрится на волны неприветным хмурым оком,
И под кровом темной ночи трепет жизненный затих.

Волны катятся и плачут, и в печали безысходной
Ношу легкую с собою неустанно мчат вперед:
Труп красавицы несчастной, труп бездушный, труп холодный,
Бледный труп самоубийцы над пучиною плывет.

Волны катятся и плачут, и напев их монотонный
Оглашен зловещим эхом, эхом тайны роковой,
И встают над скорбной бездной человеческие стоны –
Плач отвергнутого чувства, плач о жизни молодой.
(Там же. С. 12–13).

А. М. Федоров

НЕ МЕШАЙ МНЕ

Если любви твоей речи, порою,
В мысль углубясь, не внимаю.
Если глаза мои полны слезою,
Если я тихо склоняю

Бледный свой лик, позабыв все на свете, –
 О, не тревожь меня словом
Мир предо мною в мгновения эти
Блещет сиянием новым.

Вижу я: сквозь побежденные тучи
Солнце сжимает в объятьях
Землю, где лавры и мирты пахучи,
Где не слышать о проклятьях,

Где, от накошенных трав и от нивы
Под беспредельностью синей,
От кипарисов, дубов и оливы
И от оазов пустыни,
И от косматых лесов необъятных,
В бурю мятежно ревущих,
И от объятий любви ароматных,
Светлых, живых, всемогущих –

Чую: исходит, как ветер летучий,
Неуловимо и ново,
Дивное что-то, как солнце могуче,
 Сильно, светло и здорово...

(*Негри А.* Стихотворения / Пер. А. М. Федорова. СПб.,
1901. С. 13–14).

ЯЗЫЧЕСКИЙ ПОЦЕЛУЙ

На ниве, горящей, как жар, по лучами,
 На теплой ржаной борозде,
 Как в Божьем храме,
Прильнул он к губам ее страстным, губами,
Как жаждущий – к чистой воде.

Смеялося небо безбрежное, поле...
Они были рады
Любви поцелую на ниве, на воле,
Любви всемогущей и полной отрады.

Цветы, как уста – для блаженств поцелуя,
Раскрыли все венчики вдруг,
И сердце волнуя,
Земли очарованной песня, ликуя,
Звеня, полилася вокруг.

С улыбкой друг друга они обнимают
Средь теплого хлеба...
Трель ласточки, вдруг, прозвенит и растает,
И ласково блещет безбрежное небо.

И всюду, в кустах ароматных, зеленых,
В ручьях, у серебряных струй,
Счастливых влюбленных
Звучит поцелуй,
Звучит, достигая небес восхищенных.

(Там же. С. 26)

УЛИЧНЫЙ МАЛЬЧИК

Я вижу: идет он по людной дороге,
В грязи, но прекрасен, проворен.

В клочках его куртка, взгляд смел и задорен,
В изодранной обуви ноги.

Среди экипажей, по улице грязной
Он шмыгает, бедный мальчишка,

И камни швыряет в собак, уж воришка,
Бесстыжий и наглый и праздный...

Он скачет, смеется... цвет дикого терна...
Я думаю: мать на заводе,

Отец же в тюрьме. Он один на свободе...
А в хижине так беспризорно!

И страх за него меня давит, как горы.
Что будет с тобой, мальчуганом

Испорченным, диким, ленивым буяном
Без веры, без всякой опоры?

Избушки родной соловей голосистый,
Чем будешь ты в возрасте зрелом?

Обманщиком низким, работником смелым?
Кто путь твой укажет тернистый?

Рабочая ль блуза с тобою сроднится,
Клейменная-ль куртка? Кто знает

Что лет через двадцать тебя ожидает:
Тюрьма, мастерская, больница?..

И хочется мне среди улицы жадно
Прижать тебя к сердцу с тоскою

И плакать с тобою над злобой людскою,
Над долей, что так безотраднa.

Отдать тебе все поцелуи в мгновенье,
Сжимая в объятьях, лаская,

И с братской любовью промолвить, рыдая,
Святые слова ободренья:

Я так же жила без призора, тоскуя,
Как дикий цветок на болоте.

Была в мастерской моя мать на работе.
(Там же. С. 7–8)

SINITO PARVULOS

Если вам на распутье пустынном,
Иль на площади, днем, иль впотьмах,
Попадется ребенок, с невинным
Бледным личиком, с страхом в глазах,

Ласк лишенный, участия и крова,
И рыдающий только один
Над могилой родной, – мне такого
Приведите... Он будет мой сын.

С ним разлучит нас только могила,
Буду я его нежно ласкать
И молитву, что в детстве твердила,
Научу и его повторять

И оставлю ему я в наследство
Всю любовь, что в душе сберегла,
Окружу его нежное детство
Все, чем мать окружить не могла.

«Жизнь – есть труд. Мир – в прощенье едином»,
Я ему заповедать могу,
И в младенческом сердце невинном
Перлы чистой души сберегу.

Весь свой ум, все, чем сильной была я,
Перелью в его ум и, себя
Каждый миг для него забывая,
Незаметно увяну, любя.

И в то время, как старость подступит,
Он же станет мужать, подрастать, –
И трудом, и смирением купит
Все, что вверить могла ему мать, –

В даль пойдет он уверенно-смело,
Он, бестрепетный ангел, к заре,
Он, любовью взрощенный всецело,
Как бессмертный цветок на горе.

И умру я с святыми мечтами,
Что за труд получила венец,
И мой гроб, засыпая цветами,
Оросит дорогими слезами,
Он, мой сын, мой герой и боец.

(Там же. С. 89–90)